

ни той, на которую так часто наталкиваешься в общении с представителями цивилизованного Запада, что понятно — ведь на Западе давно уже движутся по пути, на который сами мы только-только вступили. Создавшееся положение подсказывает: сейчас нам в самую пору заняться, как говаривали в советские времена, изучением передового (читай: западного) опыта. О предлагаемом ниже исследовании можно сказать, что именно пресловутый «западный опыт» положен в его основу. Вместе с тем я как автор сделала все для того, чтобы не повторять штампов позднесоветского политического эссеизма, когда читатель, поначалу ошарашенный потоком сногшибательных фактов и пикантных подробностей из «их» жизни, затем чудесным образом выносил из этого водопода новостей именно те истины, о которых знал и которые считал своими.

Сказанное отнюдь не следует понимать в том смысле, что я намерена продемонстрировать читателю принципиальное различие между «их правдой и нашей». Правда, действительно, у каждого своя. Но, памятуя об этом, не будем забывать также, что «Нет пророка в своем отечестве» — ни одно общество, даже самое «благополучное», не является настолько самодостаточным, чтобы не ощущать себя частью человеческого макросообщества, не зависеть от него и не толковать самое себя через «свое иное». Однако эта зависимость от целого — даже если речь идет о ситуации зависимости, переживаемой таким неблагополучным обществом, как наше — не может и не должна приобретать вид зависимости младшего от старшего, ученика от учителя, двоечника от отличника. Ведь и сами критерии, по которым в аспекте политической жизни принято отличать общество «удачливое» от «неудачливого», всегда, как минимум, условны, а зачастую просто бессмысленны. А раз так, то пользование любым внешним опытом способно, по моему мнению, служить одной-единственной цели — прояснению собственного культурно-политического самосознания нации.

Поэтому «сверхзадачу» исследования современной аграрной сферы я усматриваю в том, чтобы, образно говоря, сделать эту сферу теоретически «видимой» и позволить ей оставаться таковой — что, в контексте обществ эпохи позднего модерна, совсем не мало. Первым же шагом к тому, чтобы узреть невидимое — войти, так сказать, в четвертое измерение привычного трехмерного пространства установившихся понятий и оценок, — служит выявление присущих предмету исследования парадоксов. Для аграрной сферы главным отличающим ее «парадоксом» остается неискоренимое тяготение к консервативным устоям, тяготенье, проявляющееся с неотвратимостью физического закона о противодействии, сила которого, как известно, прямо пропорциональна силе внешнего воздействия. Размышления о том, какие стороны *современного консерватизма* позволило обнажить внешнее — модернизационное — воздействие на этот изначально «погрязший в традиционализме» сектор общества, составят один из главных теоретических результатов предлагаемого исследования.

Далее. К числу анализируемых ниже парадоксов следует отнести также результаты нашего многолетнего и не слишком мирного сосуществования с Западом в режиме сознательного взаимного обособления. Так к концу XX в. выяснилось, что, несмотря на все различие изначально заявленных Западом и Востоком целей и методов преобразования традиционного земледелия, решающую роль в определении общего содержания этих преобразований сыграли не они, а единое для тех и других представление о рациональности как таковой. То было подспудное, не признаваемое сторонами единомыслие *de facto*, заявившее о себе, в частности, тем, что о сельском хозяйстве современного Запада сейчас можно с полным правом высказываться в тех же выражениях, в которых описывалось в свое время состояние советского сельского хозяйства, а именно, что оно целиком отдано на откуп правительствам как административным органам, теоретический кругозор которых никогда не выходит за рамки экономики;

что даже там, где налицо стремление руководящих инстанций не ограничиваться экономикой как лишь одной из сторон жизнедеятельности аграрной сферы, реальным воздействием соответствующих политических стратегий оказывается лишь постольку, поскольку они «становятся участниками любого возникающего в обществе конфликта интересов»², то есть довольствуются совокупностью мер, составляющих компетенцию «*малой*» политики (известной также как «политика малых дел»). Но подобное участие, именно вследствие указанного ограничения, является не соразмерным действительному характеру взаимоотношений между обществом в целом и его аграрной составляющей. И как реакция на эту несоразмерность возникает целый ряд научных исследований (исторического, экономического, этнологического, культурологического характера), демонстрирующих пагубное влияние на земледелие и сельскую жизнь в целом конкретных политических стратегий. В свою очередь, данные исследования, даже когда они совершенно корректно трактуют рассматриваемые в них отдельные стороны проблемы, в совокупности работают на создание негативного отношения к самому факту воздействия политики на аграрную сферу, так как в подавляющем большинстве подводят к выводу, согласно которому сельскому хозяйству в принципе противопоказано вмешательство политики, поскольку оно якобы является неоправданным вторжением в сферу действия собственных «экономических законов» аграрного производства³.

По моему убеждению, подобные представления свидетельствуют о непонимании сути современного конфликта между аграрной сферой и социетальным сообществом в целом. И, честно говоря, иного от представителей частных научных дисциплин ожидать не приходится. Ведь если в их работах означенный конфликт заведомо сведен к конфликту *интересов*, то это потому, что последний, несомненно, также имеет место, заявляя о себе противоречием между интересами самой аграрной сферы и разнообразных властных

группировок, желающих ею манипулировать, или же между интересами аграрных и промышленных производителей, аграрных производителей и агробизнеса и т.д. и т.п. Но именно изучением интересов и призваны ограничивать себя обслуживающие современное аграрное производство *научные дисциплины*. Проблема, однако, в том, что никакое изучение *данного пласта* противоречий не способно приблизить нас к пониманию динамики развития аграрной сферы в том виде, в каком это развитие происходило на протяжении всего Нового Времени. Ибо (подробнее речь о этом пойдет во второй главе) указанная динамика в основном определялась и определяется логикой конфликта *ценностей*. Далее, согласно этому пониманию само существование аграрных стратегий есть специфический признак нашей эпохи и характернейший пример борьбы ценностных ориентаций как проблемы, потребность справляться с которой стала насущной задачей поначалу западных, а затем и восточноевропейских государств.

С точки зрения политической теории конфликт ценностных ориентаций, приводящий к замене ряда прежних ценностных установок на новые, составляет существенный признак «большой»⁴ политики, если понимать под этой последней политику *трансформации* самих устоев общества. Ведь *raison d'être* любой политики — это либо обеспечение сохранения наличного состояния общества, либо работа в направлении его преобразования. В первом случае мы имеем дело с «малой» политикой (и, в частности, с ее нынешним, все еще модным западным воплощением — «политикой малых дел») — политикой, творческая составляющая которой не затрагивает базовых структур общества и ограничивается их воспроизводством; во втором — с политикой «большой», политикой трансформационной. Последняя вызывается к жизни неудовлетворительностью *status quo*, она нацелена на производство нового; суть ее в том, что она *меняет*, а не воспроизводит *modus operandi* существующего мира, в то время как «малая» политика (чтобы ни заявляли ее адепты и какой

бы бурной ни была проводимая под ее флагом деятельность) способна лишь экстраполировать «поле настоящего» на будущее (а также и на прошлое, изображая его в не всегда адекватных прошлому понятиях настоящего). Такая экстраполяция настоящего означает, что прошлое и будущее *упраздняются*, причем будущее упраздняется не только концептуально, но и актуально — в той мере, в какой «практический разум (разум деятельного, а не созерцательного человека) *вправе* замкнуться на «вопросах фактов», поскольку они в таком случае действительно — факты»⁵. Субъект, деятельность которого замкнута на «малую» политику, не склонен воспринимать объект в целом посредством категорий должного и недолжного, для него он — данность, с которой он намерен жить и впредь. Трансформационная же («большая») политика, обязательной составляющей которой является противодействие наличному положению дел, с неизбежностью нацелена на создание нового, даже когда эта цель не вполне сознается и не ставится ее субъектами и присутствует в их головах только как неудовлетворенность настоящим⁶. С этой точки зрения, особый аналитический интерес представляют те аспекты аграрной ситуации современных стран, ценностная составляющая которых до сих пор остается сокрытой за видимостью «конфликта интересов».

Данное исследование, рассматривающее аграрные стратегии с точки зрения их «соразмерности» с большой политикой, исходит как из основополагающего из того факта, что само возникновение потребности в модернизации земледелия исторически послужило одним из главных «симптомов» наступления современности, став первым свидетельством того, что традиционное аграрное общество уже не только не являлось, как прежде, тождественным обществу в целом, но и представляло собой проблему для этого последнего. В литературе, посвященной современному сельскому хозяйству, данный факт фигурирует как достояние прошлого, как прелюдия к настоящему, как исчерпавший себя конфликт. Рассмотрим в качестве иллюстрации к данному утверждению

одно из самых ранних и общеизвестных исторических событий, явивших нам свидетельства неудовлетворенности политиков положением дел в аграрной сфере и решимости изменить *status quo*. Речь идет об «огораживании» общинных земель, санкционированном в XVIII в. законами английского парламента («Bills for Inclosures of Commons»). Об «огораживании» нам известно, что сгон крестьян с земель превратил их в бродяг, и этих бродяг, в свою очередь, утилизировало нарождающееся предпринимательство, превратив их в придатки простейших механизмов. Иными словами, мы имеем достаточно ясное представление о том, как происходило становление современного промышленного производства. А вот как развивалось сельское хозяйство той же Англии после сгона крестьян с общинных земель, нам не известно практически ничего. И не потому, что не существует историографии данного периода — она существует. Однако из обилия предоставляемой этой литературой свидетельств осмысленной картины не возникает. Историки «замкнуты на вопросах фактов», и в этом они под стать нынешним чиновникам — в частности, тем, которые отвечают в ЕС за разработку аграрных стратегий. Примечательно, что и те и другие довольствуются созерцанием непрекращающейся борьбы экономических интересов. Эта неспособность распознать присутствия в наличной «фактуре» каких-либо иных мотивов, кроме экономических, и есть ключевой момент превращения аграрной проблематики в сферу, *невидимую* для политики. В результате мы имеем в литературе достаточно свидетельств о том, как вскоре после «огораживания» заметного успеха в сельском хозяйстве тогдашней Англии достигли производства, организованные по образцу промышленных предприятий; но при этом мы не имеем никаких объяснений факта их *бесследного исчезновения* из сельского хозяйства современной Англии. Складывается впечатление, что такие объяснения никому не нужны. Или проблема не видна?

Подобные не нашедшие ответа вопросы побудили меня посвятить значительную часть представленных в книге исследований поиску недостающих звеньев. Реализация этой

задачи оказалась невозможной без ответа на вопрос о причинах, по которым эти звенья оказались выпавшими. Так на первый план вышла тема изначальной «чужеродности» сельского хозяйства (как специфического вида жизнедеятельности человека) тому жизненному укладу, который воцарился с упадком традиционных обществ, справедливо именуемых обществами земледельческими. Дело в том, что наряду с мозаикой экономических столкновений аграрная сфера всегда демонстрировала этому новому укладу свое нежелание расставаться с определенным набором прежних ценностей. Признание особой важности данного обстоятельства позволяет увидеть в частности, что с точки зрения политики модернизации различия между известными нашей эпохе типами ведения сельского хозяйства (скажем, капиталистическим — фермерским, и «социалистическим» — колхозным) являются не столь существенными, как может показаться на первый взгляд. Ибо при всех особенностях места и времени суть происходящих процессов неизменно выражалась вопросом: удастся ли сельскому хозяйству в данном конкретном культурно-политическом контексте отстоять свою инаковость; удастся ли современному обществу, со своей стороны, избежать того тупика, в котором оно оказывается всякий раз, когда проявляет особую последовательность в навязывании аграрной сфере собственной логики? Представленный в данном исследовании материал позволяет сделать вывод, что в этом плане опыт двух прошедших столетий был довольно неутешительным: любой аграрный проект — в той мере, в какой он предусматривал «модернизацию», — являлся откровенно колонизаторским по отношению к земледельческой жизни. Модернизация как утверждение в аграрной сфере ценностей другой, господствующей части общества выражалось в игнорировании специфики села. Помимо всего прочего подобный подход к земледелию и земледельцам выполнял функцию некоего ограничителя восприятия: в рамках этого подхода само существование аграрной сферы признается осмысленным лишь в той мере, в какой последняя следует

вектору развития «продвинутой» части общества (типичный пример тому — известное высказывание К.Маркса об «идиотизме сельской жизни»⁷). Соответственно и стратегии развития села отражали и продолжают отражать не столько специфику объекта преобразования, сколько состояние самосознания общества, выдвинувшего соответствующих стратегов. Отсюда неизбежные провалы, разочарования и резко негативное отношение многих преобразователей к своему объекту. Здесь и следует искать объяснение тому факту, что сменяющие друг друга аграрные теории, как правило, исходили из представлений о реально существующей аграрной сфере как о некоем антиподе собственных устремлений.

Указанная оппозиционность аграрных стратегий объекту преобразования позволяет рассматривать эти стратегии как своего рода «изнанку самосознания» развивающейся современности; а стало быть, ступени эволюции основных политических подходов к земледелию способны в некотором смысле служить указателями смены философско-мировоззренческих ориентиров, происходившей на протяжении последних двух столетий в масштабе всего «посттрадиционного» общества. Впрочем, именно в сфере модернизации земледелия процесс идеологической «смены вех» продемонстрировал интересную динамику: начинавшийся как триумфальное самоутверждение новой эпохи в борьбе с «идиотизмом сельской жизни», в наше время этот процесс чем дальше, тем больше утрачивает характер непримиримого противостояния, постепенно обретая вид уважительного диалога современности с «великим незнакомцем»⁸.

Мысль о том, что аграрные теории эпохи классической современности неизменно выступали в качестве идеологической реакции на «чужеродность» земледелия господствующему жизненному укладу, имеет своей предпосылкой ряд экономических концепций, констатирующих несоответствие самой аграрной действительности преобладающим формам и способам рационализации сельскохозяйственного производства. Наиболее ярким выразителем подобных

представлений стал в начале XX в. автор теории мелкого крестьянского хозяйства А.В.Чаянов. В наши дни традиция Чаянова была развита экономистами-аграрниками, такими как В.Ф.Башмачников, В.А.Тихонов у нас в стране и Д.Паарлберг в США⁹. Эти экономисты первыми поставили под сомнение эффективность аграрных стратегий, отождествляющих модернизацию сельскохозяйственного производства с его индустриализацией. Они с цифрами в руках обосновывали тезис о непродуктивности и даже контрпродуктивности экстраполяции на сельское хозяйство большинства экономических приемов, разработанных применительно к промышленному производству и доказавших свою действенность в индустриальном секторе. Эти наблюдения, помимо всего прочего, подводили к мысли о том, что современная эпоха, как это ни странно, слишком мало знает о крестьянском труде и совсем ничего не ведает о сельской жизни.

Дальнейшая разработка данной тематики была связана со стремлением выйти за пределы сугубо экономической трактовки открывшегося проблемного поля. Специфика аграрной сферы стала предметом рассмотрения новой, междисциплинарной отрасли знания — «крестьяноведения» (Теодор Шанин и др.¹⁰). Данная научная дисциплина, возникшая в последней трети XX в., представляется мне разновидностью естественнонаучной антропологии: она скрупулезно изучает крестьянина (в том числе и современного), как изучает антрополог людей далекого прошлого. В этой «антропологии» есть все, кроме — увы! — того единственного, что я как исследователь считаю главным; в ней нет ответа на вопрос: как случилось, что это ставшее экзотическим существо продолжает выживать и поныне, пронеся через все Новое Время свои отличительные черты? Этот вопрос можно поставить и по-другому: почему крестьянство, являющееся древнейшей и, как видно, неистребимой составляющей человеческого общества, ныне практически приравнено этим обществом к экзотическим со-

циальным группам, оказавшись, по меткому выражению Теодора Шанина, *великим незнакомцем* в своей же «естественной среде обитания»?

Очевидно, что сама инициатива по созданию «крестьяноведения» явилась реакцией на сложившуюся за два последних столетия традицию отождествления аграрной сферы с сельскохозяйственным производством; «крестьяноведческая» инициатива свидетельствует о решимости перечеркнуть как ложное данное одномерное представление, противопоставив ему «стереоскопический» образ земледельца. Отсюда междисциплинарность «крестьяноведения». Признавая всю важность подобного начинания, нельзя вместе с тем не заметить, что собирание воедино данных, предоставляемых различными науками, само по себе не способно породить понимания существа проблемы. Такое понимание должно исходить от политической теории. Важный шаг в этом направлении был сделан Ю.М.Бородаем¹¹, которому принадлежит опыт философского осмысления проблемы сохранения крестьянина в современном мире. Взяв за основу своей концепции положения философской антропологии К.Маркса о необходимости самоэмансипации современного отчужденного индивида, Бородай не согласился с Марксом в том, что пути преодоления социального отчуждения заложены в присущих капитализму тенденциях развития, в частности в тенденции к «универсализации» современного индивида. Схематизму марксовых рассуждений на этот счет он противопоставил собственные представления о действительно универсальной личности: таковой является, по его мнению, традиционный крестьянин. Суть его возражения Марксу состоит в следующем: капитализм разрушает национальные культуры, и этот процесс, как указывал еще Макс Вебер, есть причина того, что «высшие и благороднейшие ценности ушли из общественной жизни»¹², поставив современного индивида в ситуацию «войны Богов». В этой ситуации любые упования на преодоление отчуждения — утопия. Вновь и вновь обретать себя в обществе индивид может, лишь по-